

ЗАБЕРИ МЕНЯ ДОМОЙ

Пьеса для детей и взрослых

Действующие лица:

М а ш а – девочка

П е т я – мальчик

И р и н а – мама Пети

Г е н н а д и й – папа Маши

М а м а – общая бабушка

А м е р и к а н е ц

А м е р и к а н к а

1

Комнату освещают фонарики. Кажется, будто в помещение влетело сразу тысячи светлячков. Вполне можно разглядеть портреты, разложенные, расставленные, распаханные по всем только возможным полочкам и углам. Это портреты А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Н. В. Гоголя, Л. Н. Толстого. Петя в красивом костюме на размер меньше, чем надо стоит, будто на сцене, которую, правда, наспех соорудили из стульев. Рядом с ним стоит Маша, только одетая по размеру и в платье с кружевным белым воротничком.

М а ш а (*показывает движения*). Подыши громко. Подвигайся вот так. И читай стихотворение. Это не страшно.

Петя дышит громко и вращает бёдрами.

М а м а (*закрывает лицо ладонями*). Как будто рожает. Полный трындец.

М а ш а. Ничего не умеет. Детский сад, Мама, вообще.

М а м а. Подойди сюда, покажи горло.

П е т я. Нормальное у меня горло.

М а м а. Тогда почему ты, мой милый Петя, издаёшь такие странные звуки?

П е т я. Ничего я не издаю.

М а м а. Ты так стихотворение завтра в школе собираешься сдавать?

П е т я. Никак.

М а м а. Вот именно это я не переживу.

П е т я. Ну и что.

М а м а. Машенька, достань-ка из шкафа там внизу.

М а ш а (*ищет что-то в шкафу, достаёт мяч*). Петькин мяч, что ли нужен?

П е т я. Я его искал целый день! Как мой мяч там вообще оказался?

М а м а. Почему твой? Почему? Согласно древней легенде нашего двора, этот мяч принадлежал Вова Могилову. Давай сюда, Маша, мяч.

П е т я. Не правда, это мой мяч! Откуда ты знаешь?

М а м а. Сорока на хвосте принесла. Вот и знаю.

П е т я. Я его сам честно нашёл!

М а м а. Я прекрасно слышу, пожалейте же, молодой человек, мои бедные уши. Вова тоже кричал на весь наш маленький дворик, кричал и кричал, кто его мяч найдёт и не вернёт обратно Вова, обрётет сразу грозного и смертельного врага. Вова кричал и чем это обернулось? Бесследно, между прочим, исчез.

П е т я. Он переехал всего-то! Я сам видел! Отдай мяч!

М а ш а. А кто этот Вовка Могилов?

П е т я. Могила! Могила, пустая твоя голова! Ты не знаешь Вовку Могилу? Да ты вот видишь этот большой шрам на моей ноге?

М а ш а. Вот этот маленький шрамик на твой коленке?

П е т я. Большой и рваный шрам!

М а ш а. Подумаешь!

П е т я. И ничего ты не понимаешь совсем! Скажи ей, бабушка!

М а м а. Ещё раз назовёшь меня бабушкой, я зажарю тебя в духовке. Если твоя мать и наградила меня таким несносным внуком, это совсем не значит, что я обязана становиться сразу же бабушкой! Я – Мама! Я – Мама теперь для всех, зарубите себе на носу!

П е т я. Я побегу быстро-быстро от тебя тогда. Как это ты меня зажаришь в духовке, ты же не ходишь совсем?

М а м а. А ты проверь. Больно смелый стал. От горшка три вершка, а спорить с взрослыми начал. О чём я? Так вот, а пропал он много лет назад на заднем дворе.

М а ш а. Вовка Могила?

М а м а. Дорогая, для девочки ты видишь мир в каких-то тёмных слишком красках. На заднем дворе пропал, конечно, мяч. А Вова Могилов переехал с родителями жить в другой район и, так

им и надо, отвратительно совершенно учиться в этой ужасной школе № 34. А мяч остался, и кто его, этот мяч, найдёт, станет чемпионом мира по футболу.

П е т я. И это буду я! Я! Ведь я совсем самостоятельно нашёл этот мяч! А ты его забрала!

М а м а. Ну не знаю, учитывая твоё сходство с этим бездельником, с твоим отцом, я очень даже сомневаюсь в этом.

П е т я. Мой папа не бездельник!

М а м а. Именно бездельник.

П е т я. Он капитан дальнего плавания!

М а м а. Бездельник.

П е т я. Он офицер!

М а м а. И где он теперь, твой отец? Офицер! Давно завёл себе новую семью где-нибудь. Безответственность полная. Почему? Вот почему? Именно поэтому я должна в рассвете сил посвятить себя всю несносным внукам, репетировать бездарное чтение, совершенно бездарнейшее чтение классических стихотворений вместо того, чтобы путешествовать по миру как все цивилизованные пенсионеры.

М а ш а. Но ты же совсем не ходишь, Мама. Тебе нельзя никогда путешествовать. Ты же разучилась и не умеешь ходить.

М а м а. Это совершенно ничего не значит, глупая девочка. А смеяться над болезнью, над временной слабостью, над чьим-то горем некрасиво, и особенно для таких маленьких девочек. Разве родители вас совершенно не учат элементарной этой вежливости. Ваши родители это совершенный хит-парад лентяев и бездельников. Навязали своих детей мне и рады, и отдыхают целыми днями там, прохлаждаются там в моих двух комнатах. Работают они, подумаешь. Да я, когда у меня была уже твоя, Петя, мама, думаешь, я жаловалась? Совсем нет! Да твоя мама, Петя, была самым счастливым ребёнком на свете! Мы целыми днями были вместе! Ей завидовали все дети! Мама твоя, Петя, ходила со мной на работу каждый день. У Петеньки ещё в детстве сбежал отец, у тебя, Машенька, получается, тогда сбежала мать. И вот два ваших одиноких родителя, не постеснялись, решили съехаться в моей трёхкомнатной квартире, а вас подбросили мне. Спасибо, в чулан меня, заслуженного учителя России по литературе, не засунули. Спасибо. Спасибо большое. Спасибо.

М и ш а. У Маши мама умерла, а не сбежала она.

М а м а. Какая разница. Чего ты опять накручиваешь всё? Что за современная мода такая всё видеть в тёмном цвете? Вы, кстати, уроки, дети, сделали?

М а ш а. У нас скоро каникулы, Мама.

М а м а. И что?

М а ш а. Успеем ещё потом.

М а м а. На отговорки вы все, несмышленные дети, горазды. Ты бы лучше вместо того, чтобы спорить со старенькой слабой бабушкой своей, повторил таблицу умножения.

П е т я. Не нужна нам твоя таблица умножения.

М а м а. Смотрите, какой деловой у меня внучок. Люди, сморите. Смотрите. И таблица умножения ему уже совсем не нужна. И старая слабая бабка ему уже не нужна. Давай, не стесняйся, продолжай. Покажи дневник.

П е т я. Я его потерял.

М а м а. На всё у него отговорки. Смотрите, какой деловой. Подрасти не успел, и уже теряет дневники по два раза в месяц. Когда твоя мать нас, наконец, накормит? Что она там, между прочим, так долго? Что она готовит так долго?

М а ш а. Тётя Ира готовит пюре с котлетами.

М а м а. Опять? Не верю своим ушам. Я же просила пельмени. Я же просила. Что она совсем меня не слышит? Ира! Ира, ты где? Я же просила! Ира, ты в своём уме? Я же её чистейшим великим русским языком просила – хочу самолепных пельменей! Так сложно выполнить маленькую мою просьбу? Я так много прошу? Ирина, поди сюда! Ирина!

И р и н а (*входит в комнату*). Что ты орёшь опять?

М а м а. Я же просила пельменей!

И р и н а. Мама, что ты в самом деле? Ну что ты? У меня котлеты остались. Чудесные ещё котлеты. Вот увидишь? Надо доесть же их, мама, в самом деле.

М а м а. Вот и ешьте своих котлет. А я просила пельменей. Обычных самолепных пельменей. Так сложно было, да?

И р и н а. Было сложно. Да, было сложно. Мама, я устала и хочу отдохнуть. Я с утра до вечера на работе в школе. Мама, я устала. Я валюсь с ног. У меня нет больше сил. У меня было две смены уроков. Три смены завтра будет. И есть котлеты. И мы будем все доедать эти котлеты.

М а м а. Не хочу я опять ваши котлеты. Ничего от вас я больше не хочу. Идите ешьте. Идите. Две смены у неё. Пожаловалась. Отдыхает от нас там, в школе, на своих уроках.

И р и н а. Мама, ну какое отдыхает?

М а м а. Нашла, чем жаловаться. Пожаловалась, дочка. Я вот не знаю. Да если бы я могла, да я бы все три смены. Четыре смены! Пять! Десять смен! И без жалоб чтоб! Да это такое счастье! Я тридцать лет сама работала в школе. Я заслуженный учитель России по литературе. Тоже мне, похвалилась. Целыми днями там, там. Одни внуки у меня и остались. Идите ко мне, любимые мои, я вас поцелую. Я вас расцелую, ненаглядные мои, одни вы у меня. Никому вот я не нужна.

И р и н а. Ой, опять ты, мама. В самом деле.

Г е н н а д и й (*входит в комнату*). Крику-то крику. Дерётесь что ли?

М а м а. Вы кто, мужчина? Что вы тут делаете?

И р и н а. Мама!

Г е н н а д и й. Вы, Мама, забыли опять? Я, Мама, муж вашей дочери.

М а м а. Да ну? Новый муж? И давно?

Г е н н а д и й (*смеётся*). Как я люблю ваш это совершенно чудесный и особенный возрастной юмор. Очень, правда-правда, смешно. Можно, я вас поцелую?

М а м а. Ни в коем случае не приближайтесь ко мне, мужчина, я буду кричать.

Г е н н а д и й. Какая вы удивительная. Как я вас уже люблю.

М а ш а. Мама не хочет котлет.

П е т я. Говорит, ужинать не будет.

И р и н а. Мама опять.

Г е н н а д и й. Ну не хочет, не надо. Не силком же кормить нашу дорогую Маму.

М а м а. Конечно, не кормите вообще бабку. Где, кстати, моя пенсия?

Г е н н а д и й (*смеётся*). Мама, ну что вы?

М а м а. Зачем переводить продукты зря? Зачем ей, старой?

Г е н н а д и й (*смеётся*). Я ведь тоже шучу.

М а м а. Я её так часто прошу? Вот ты мне скажи, Геннадий. Так часто, да?

Г е н н а д и й (*смеётся*). Вспомнили меня, да? Мама, вы меня вспомнили?

М а м а. Я уже, уже сожалею об этом. Так вот. О чём я? Целыми днями с вашими детьми сижу, между прочим, не жалуясь. И что? И вот попросила сделать самолепных пельменей. Морошки мне захотелось перед смертью. Или хотя бы винограду. Захотелось самолепных пельменей. И что?

И р и н а. Мама, я сейчас принесу виноград. У нас же есть виноград, я сегодня купила.

М а м а. Дайте мне сил, я как будто говорю со стеной.

Г е н н а д и й. Так, малышня, брысь руки мыть и за стол шагом марш.

П е т я. Дядь Ген, а я вот стану чемпионом мира по футболу.

Г е н н а д и й. Конечно, станешь. Вот ещё как натренируем с тобой пару ударов и, конечно, станешь.

М а ш а. А он мяч потому что нашёл Вовки Могилы. И ему Мама сейчас отдала его. Пап, а давай тоже найдём клад во дворе. Я тоже хочу стать каким-нибудь чемпионом.

Г е н н а д и й. Найдём. Только завтра, я сегодня немного устал.

И р и н а. Там темно во дворе уже. Нельзя вам никакой клад искать. Опасно.

Г е н н а д и й. Вот видишь, тётя Ира запретила.

М а ш а. Хорошо, тогда завтра. Только ты обещаешь?

Г е н н а д и й. Конечно, дочка. Я тебе врал когда-нибудь?

М а ш а. Чуть-чуть совсем.

Г е н н а д и й. Неправда, не было такого.

М а ш а. Было, ты обещал меня отвести в зоопарк, и не пошёл, потому что смотрел футбол. А ещё ты обещал с нами поиграть в прятки ещё вчера и читаешь теперь газету.

И р и н а. Папа устал.

Г е н н а д и й. Неправда, что ты опять, Маша, сочиняешь? Ничего такого не было.

М а ш а. Было!

Г е н н а д и й. Не помню. Я такое сказал? В самом деле? Ну надо же. Совсем ваш папа старый стал.

И р и н а. Ой, хватит спорить. Отстаньте от папы все. Кушать лучше пошли. Мама, я тебе принесу сейчас.

М а м а. Я сказала, не буду этих твоих котлет, не буду, ешьте сами, сказала.

И р и н а. Зачем ты, мама?

М а м а. Не буду. И не проси.

Г е н н а д и й. Ирина, оставь.

М а м а. Уйдите уже, уйдите. Всё вам в тягость. Всё вам сложно. Дети в тягость. Мать старая в тягость стала.

И р и н а. Гена, Генночка, как я устала.

М а м а. Устала от матери. Жалуйся, давай, жалуйся своему очередному новому мужу.

И р и н а. Ну какому очередному?

М а м а. Подождите немного. Немного мне осталось. Жалуется. Я и говорить тогда не буду вообще. И есть не буду. Объявляю голодовку. Всё.

И р и н а. Хорошо, мы пойдём, не начинай только, мама, опять. Соседи у тебя за стенкой. Ты когда кричишь, там всё слышно.

М а м а. Да я уже закончила. Да что мне соседи? Я молчу уже, не видишь? А ты опять сама начинаешь. Не любите, так и что уж тут, потерпите.

П е т я. Бабушка, мы тебя любим!

М а м а. Меня никогда-никогда по-настоящему не любили. Никогда никто никогда. Никогда!

М а ш а. Милая бабушка, мы тебя очень любим!

М а м а. Какая я тебе бабушка? Какая? Вот Петя мне внук, а ты кто, а ты кто мне?

Г е н н а д и й. Так, мы пошли. Дочь, вышла отсюда. Быстро.

М а м а. Навязали на мою голову. Одного навязали. Теперь вторую навязали. Спиногрызы. Живут в моей квартире. И кормят котлетами. И меня же хотят сделать виноватой.

И р и н а. Мама, что же ты?

М а м а. А что не правда? Не правду я говорю? Всё правда. Всё. И не говори. Я молчу вообще.

Все уходят.

М а м а. Хорошо устроились. Молодцы. *(Достаёт из-под подушки зеркало, долго смотрится.)*
Ой, какая я, курка грилька, блин, прикольная. Офигеть. Ой, мама. Ой, прикольно. Ой, классно.
А я ещё ничего такая.

Входит Ирина с подносом в руках. Мама успевает спрятать зеркало под подушку.

И р и н а. Мама, я тебе принесла поесть. Давай, я тебе помогу покушать? Мам, ну что ты надулась? Ну, сделаю я тебе пельменей. Сделаю завтра.

М а м а. Не сделаешь.

И р и н а. Сделаю. Ну покушай, я тебя очень прошу, покушай. Ради меня.

М а м а. Вы ради меня пальцем не пошевелите лишний раз, а я должна вокруг вас всех плясать.
Не жирно, дочка?

И р и н а. Мама!

М а м а. Что мама? Я тебе тридцать пять лет мама. Мешаю, да? Скажи честно? Мешаю?

И р и н а. Не мешаешь, конечно.

М а м а. Не ври, мешаю. У вас теперь семья. Думаешь, я сама не понимаю, что неправа?
Прекрасно понимаю. Возраст, дочка. Уж прости меня.

И р и н а. Мама, и ты прости.

М а м а. Бог простит. Кормить перестанете, так вообще и помрёт тихонько бабушка.

И р и н а. Ну какая ты бабушка?

М а м а. С тех пор, как эта болезнь меня скрутила, с тех пор, как я лежу и лежу, так только одна мне радость. Самолепных пельменей бы мне. Морошки.

И р и н а. Мама!

М а м а. А то, вдруг, завтра и не проснусь.

М а м а. Я тебя очень прошу.

И р и н а. Предчувствие у меня нехорошее.

И р и н а. Хорошо, я сделаю пельмени, сделаю. Только прекрати так говорить.

М а м а. Сейчас сделаешь?

И р и н а. Сейчас, сейчас. Ты только пока немного покушай. А я пойду тесто делать. Хорошо?

М а м а. Ну, не знаю. Ну, хорошо.

Ирина ставит поднос на столик у кровати, вздыхает, выходит из комнаты.

М а м а *(достаёт из-под подушки зеркало, опять внимательно в него себя рассматривает).*
Котлета-то вкусно вроде пахнет. *(Прячет зеркало под подушку.)* Когда она ещё пельменей налепит? Я же с голоду умру, пока соблаговолит она. А есть-то хочется. Ой, есть как хочется.
(Мама прислушивается, потом тихонечко садится на кровати, встает на цыпочки и добегает до шкафа, долго роется там шкафу, и, наконец, достаёт вкусную-превкусную конфету. Поколебавшись, достаёт ещё одну конфету вкуснее первой. Потом быстро-быстро возвращается в кровать и ложится, как и лежал. Смотрит долго на котлету.) Видел бы меня

Семён. Видел бы. Никогда бы, мой Семён, царствие ему небесное, не позволил бы никогда, чтобы так со мной. Так оставлять им нельзя. Ни в коем случае. Надо что-то мне сделать.

Смотрит в окно. Видит там что-то.

2

Поздний вечер. На кухне за столом сидят Ирина, Геннадий, Маша и Петя. В центре на столе блестит кастрюля. Ирина скалкой раскатывает на этом же столе тесто. А остальные чайными ложками достают из кастрюли начинку и лепят пельмени. Все серьёзные – пресерьёзные и перепачканные уже в муке.

И р и н а. Мама стала совсем невозможной. Хулиганит каждый день. Такое чувство, что ей это доставляет какое-то удовольствие.

Г е н н а д и й. Вполне, Ириша, возможно.

И р и н а. В школе воспитываешь невоспитанных совершенно детей, приходишь домой, а тут никакого покоя. Где это видано, пельмени лепить посреди ночи? Вот где?

Г е н н а д и й. В нашей семье, Ириша.

И р и н а. Она мне жизнь специально продолжает портит. Детство всё испортила уже. А теперь продолжает хулиганить. Я маленькая была, так она меня таскала на работу каждый день. Ей хотелось подольше поспать, а в детский садик нужно было ехать с двумя пересадками. Вот я и сидела в учительской и Мама всегда, каждый день мне говорила: «Не шуми, за стенкой сидит директор, он всё-всё слышит. И если будешь шуметь, директор тебя накажет и заберёт от меня в милицию». И я сидела как мышь, потому что у Мама были уроки до вечера, а я боялась сидеть в милиции одна до самого вечера. Я до сих пор боюсь директора. А это совершенно-совершенно другой человек.

Г е н н а д и й. А, между прочим, чего ты там делала целый день в учительской, Ириша?

И р и н а. Что делала, что делала. Читала.

М а ш а. Наверное, поэтому ты тоже стала учительницей литературы.

И р и н а. И правда. Если бы не Мама, а может, я бы была музыкантом.

М а ш а. А я очень люблю лепить пельмени. И люблю тоже читать.

П е т я. А я люблю есть пельмени. А читать вот не люблю.

Г е н н а д и й. Старушка чувствует, что ты идёшь на поводу, вот и делает, Ириша, что хочет.

М а ш а. Это как?

Г е н н а д и й. А это, Мария, тебя не касается, это взрослый разговор.

М а ш а. Чуть что сразу взрослый разговор.

И р и н а. Когда вырастишь, Маша, поймёшь.

П е т я. А я понял сейчас всё равно.

Г е н н а д и й. Что ты понял.

П е т я. Всё понял.

И р и н а. Больно понятливый ты у меня.

П е т я. Подумаешь.

М а ш а. А почему бабушка болеет?

П е т я. Потому что злая она. Как Баба Яга. А докажи, Маш, она меня сегодня даже хотела в печку засунуть.

И р и н а. Пётр, попредержи-ка язык. Это твоя бабушка и точка. Я никому не позволю.

П е т я. Да какая она бабушка? Заставляет стихотворения учить и книги читать скучные. И нет, чтобы рассказать просто стихотворение. Постоянно кричит: «Не верю! Плохо! С начала! Больше жизни!»

И р и н а. Пётр! Покричит, перестанет.

П е т я. Ну и ладно. Всё равно злая она.

И р и н а. В следующий раз по губам получишь.

Г е н н а д и й. Я вот что хочу спросить, семья, а мы, собственно, много будем лепить пельменей?

И р и н а. Раз начали, наделаем на две недели. Чтобы мне не готовить. Я вам не домработница и не повар каждый вечер стоять у плиты.

Г е н н а д и й. Вот я и вижу, что-то ты разогналась, Ириша. А толку, я говорю, завтра Мама потребует сегодняшние котлеты.

И р и н а. Будет есть то, что все едят. Пельмени! Хватит издеваться, я ей так и скажу. Морошки ей захотелось. В холодильнике один виноград. Тоже мне. Эх, мама, мама. Я так кручусь, как проклятая. Всё для того, чтобы нам с Петей в Америку полететь.

М а ш а. Ух ты!

П е т я. Ух ты!!!

Г е н н а д и й. Я о чем-то, Ириша, не в курсе?

И р и н а. Геночка, я просто не успела тебе ещё рассказать. Понимаешь, ты же знаешь, что по результатам общегородских проверок наша школа в городе самая-пресамая лучшая?

Г е н н а д и й. Допустим.

И р и н а. Так вот, наша школа по итогам года может теперь позволить себе наградить кого-нибудь. Может себе позволить наградить особо отличившихся учителей и даже их детей иногда, ну например, какой-нибудь поездкой там за границу. Ну или даже телевизором.

Г е н н а д и й. Нам было бы весьма кстати. Я про телевизор.

И р и н а. Да ты дослушай. От меня ничего не зависит. Решают спонсоры, какой приз.

Несколько лет никому ничего не давали. А в этом году вот, я как представитель династии учителей, кажется, заработала на две путёвки. В Нью-Йорк. Там какой-то международный семинар будет заодно учителей. Я еду как представитель. Вручение билетов покажут, наверное,

по телевизору. Гена, ты же знаешь, я просто обожаю американскую литературу. Гена, это такая возможность.

Г е н н а д и й. Какая американская литература? А Маша? Они же брат и сестра. Маша же тоже хочет. Маша, ты хочешь в Америку?

М а ш а. Очень хочу.

И р и н а. Гена, ты от меня чего сейчас требуешь?

Г е н н а д и й. Я? Я чего требую? Ты не знаешь?

И р и н а. Гена, хватит переигрывать. Ты понял.

Г е н н а д и й. Я требую, чтобы была семья. Семья – это, Ириша, в первую очередь, честность.

И р и н а. Гена, что ты имеешь в виду под словом «честность»? Я правильно тебя поняла? Гена, ты понимаешь вообще, что говоришь? А ты дочь свою спросил вообще? Маша, ты хочешь, чтобы мы с Петей побывали хотя бы раз в жизни в Америке?

М а ш а. Конечно, хочу.

И р и н а. Маша или, может быть, ты хочешь, чтобы Петя упустил такую возможность. Чтобы он просто отдал эту поездку какому-то чужому непонятному совершенно мальчику. И потом всю жизнь, чтобы Петя помнил о том, что из-за чьей-то чёрной-пречёрной зависти он так и не увидел, например, Бродвей.

М а ш а. Нет, не хочу.

И р и н а. Гена, мне кажется, ты много напридумывал сейчас лишнего. У нас, Гена, хорошие дети. Гена, задумайся. Гена, вопрос решается очень просто. В следующий раз, когда я выиграю поездку, вы с Машей летите в Америку, или куда хотите. Хотите во Францию, Гена, в следующий раз?

Г е н н а д и й. Я хочу, Ириша, чтобы семья, если она всё-таки существует у нас, путешествовала вместе. Нам с Машей нужна семья.

И р и н а. Гена, ну что ты на меня кричишь? Гена, что мне с тобой делать? Ну ты нормальный вообще у меня?

Г е н н а д и й. Делать, Ириша, нечего, это судьба. Маша, и мы летим в Америку. Мы едем все вместе и точка.

И р и н а. Гена, ты знаешь, как это дорого? Один перелёт туда-сюда стоит, знаешь сколько? Ну ты сам подумай, откуда у нас такие деньги?

Г е н н а д и й. Деньги есть. Я, правда, копил тебе на норковую шубу, чтобы ты у меня была как все приличная. А то ходишь в этой своей курточке как подросток совсем. Я много работаю не просто так. Я недавно узнал в банке, что скопил случайно на пять норковых шуб.

И р и н а. Гена, ты совсем у меня?

М а ш а. Ура, папе!

П е т я. Ура, дяде Гене!

М а ш а. Мы летим в Америку!

П е т я. Мы все летим в Америку!

И р и н а. Гена, а что делать с мамой? Гена, мы не можем её бросить. Гена, мы забыли.

Г е н н а д и й. Всё продумано, Ириша. Маме позовём её подружек. Будет и на её улице праздник. Пусть старушки тусуются.

И р и н а. Гена, но все её друзья давно умерли.

Г е н н а д и й. Наймём кого-нибудь тогда. Я не знаю. Не задавай мне таких вопросов. Напишем объявление.

П е т я. А можно я напишу? «Для Бабы Яги ищем пожить ведьму позлее, пока мы будем отдыхать от неё в Америке. Платим новой норковой шубой».

И р и н а. Я его этому не учила. Раскидался норковыми шубами, какой деловой. Гена, ты заметил, в чём ходят наши дети сейчас? Посмотри на них. Дети, кстати, а почему вы одеты в такое старьё?

М а ш а. Мы репетировали Петино стихотворение.

И р и н а. Зачем весь этот маскарад? Я задала по литературе просто выбрать на ваш выбор любое стихотворение 19 века и выучить, и всё, ничего сложного, ничего придумывать не надо, никакой самодеятельности не требовалось от вас, я не просила выставлять себя посмешищем.

Почему в таком виде? Вы когда это успели напялить? Откуда вы это достали?

М а ш а. Да вообще мы не против. Это как-то весело.

Г е н н а д и й. А чего за стихотворение?

П е т я. Да там один был.

И р и н а. Вы слышите меня? «Да там один был». Ты мой сын вообще? «Да там один был». Он ведь каждый урок меня позорит, Гена. Это она всё делает, чтобы я сгорала от стыда. «Да там один был». Мамина школа.

М а ш а. Мама нам помогла немного.

П е т я. Мам, да это весело даже в костюмах.

И р и н а. Чему она учит детей, Гена?

Г е н н а д и й. Великому русскому языку, Ириша, я думаю.

И р и н а. Да её к детям подпускать нельзя. Я этим займусь. Есть неплохие заведения в таких случаях. Пока будем отдыхать, Мама спокойно поживёт под профессиональным присмотром. Там ей будет интересней. Пусть там и кричит верю-не верю на медсестер, а не на моих детей. А может, даже ей и понравится там. Посмотрим. Есть, Гена, бюджетные учреждения. Всё хватит, я набегалась. Нервы мои не железные. Пельменей я налепилась выше крыши. Вы слышите? Снимите это старьё. Переоденьтесь уже. Пельмени налеплены, идите, спите, с глаз моих, я прошу по-хорошему.

Г е н н а д и й. Марш руки мыть и переодеваться! Вы маму нашу слышали? Раз, два, три!

Дети уходят с кухни.

Г е н н а д и й. Ириша, что ты, в самом деле, сама себя накручиваешь так? Ты чего так завелась с пустого места?

И р и н а. Ты понимаешь меня вообще, нет? Она всегда со мной так. Она вечно что-то такое придумывала. Вечно надо мной издевалась. Говорила, посмотри в окно, ты видишь, там, в небе звёзды не падают, а взлетают? Посмотри! Посмотри! Посмотри! Я смотрела, и мне казалось, что я схожу с ума, потому что они не падали, не падали, а звёзды взлетали, Гена. Но это невозможно, Гена! Я уже тогда знала, что это невозможно по законам физики! Я ведь даже думала там, в учительской, что Мама не моя мама. Гена, я в серьёз думала, что меня подбросили. Ну не может мама так оставить на целый день в учительской. Пять раз в неделю я боялась дышать от страха. По две смены в день. Не может. Я же, Гена, даже придумала себе другую настоящую как у всех нормальную маму. Один раз мне приснилось, что меня чуть не удочерили даже. Я тогда подумала, а вдруг, это настоящая мама за мной пришла. И потом, когда проснулась уже, каждый день в учительской ждала. И ждала кого-нибудь. Только не её. Я ждала настоящую маму. Иногда мне снилась эта настоящая мама. Она красивая и высокая. И добрая. И умная. Гена, нам говорят, что все мы были радостью для наших родителей. Моя мама, наверное, так очень разочаровалась.

Г е н н а д и й. Я не знал.

И р и н а. Конечно, не знал. Я об этом никому-никому не рассказывала. Никому, кроме тебя. Мама учила меня в детстве фокусам. Я верила ей и всем говорила, что когда вырасту, мы с мамой станем цирком.

Г е н н а д и й. Я рядом, рядом, Ириша. Забудь. Всё будет хорошо. Всё образуется.

И р и н а. До сих пор помню. Как это было здорово. С цирком не вышло. Ну, за что мне, Гена, это?

Прибегает Маша с Петей, которые уже успели переодеться в пижамы.

М а м а. Папа! Тётя Ира! Мама пропала!

И р и н а. Что там ещё?

П е т я. Мамы нет!

Г е н н а д и й. Пётр прекрати придумывать. Это уже не смешно.

П е т я. Я не придумываю.

М а ш а. Он не придумывает. Он говорит правду, папа.

И р и н а. Гена, мы разбаловали детей.

П е т я. Мы пришли сказать Маме «Спокойно ночи», мы пришли, а её нет.

М а ш а. То есть мы хотели её напугать чуть-чуть.

П е т я. Прокричать в ухо «Спокойной ночи».

М а ш а. Мы так шутим всегда.

П е т я. Она знает.

М а ш а. И всегда делает вид, что сильно пугается, когда мы подкрадываемся.

П е т я. Ну ей нравится.

М а ш а (*протягивает два клочка бумаги: фантик от конфеты и записку*). Там было только вот это на подушке.

И р и н а. Что это? Фантик? Записка? Откуда?

П е т я. Кстати, конфеты вкусные. Маша, помнишь, нам дарили на новый год? А они куда-то ночью пропали?

И р и н а (*читает записку*). В самом деле, её почек. Ну что это?

Г е н н а д и й. Что?

И р и н а (*читает*). «Улетела в Америку учиться в Нью-Йоркском университете. Обратного не ждите. Буду, так и быть, посылать открытки и вам. Не волнуйтесь. Люблю, целую. Hallo, good bay». Она что, издевается надо мной?

Г е н н а д и й. Всё, Ириша, вполне может быть.

И р и н а. И подпись «Ваша Мама».

Г е н н а д и й. С другой стороны, твоя мама абсолютно свободная женщина. Имеет полное право уехать с каким-нибудь американским пенсионером. Почему бы и нет? Я так уверенно говорю, потому что это всё-таки похоже на спланированный побег.

И р и н а. Да никаких Мама прав не имеет. У неё семья. Она что, вообще о себе возомнила? Она бросила нас, Гена с двумя детьми?

Г е н н а д и й. Я бы задал этот вопрос по-другому. Она что бросила нас первая?

И р и н а. Опять твои шуточки, Гена?

Г е н н а д и й. Прости, Ириша, я молчу, молчу.

И р и н а. Даже дети понимают, что я сказала несерьезно. Ты сам подумай, что при детях такое говоришь.

Г е н н а д и й. Дети, идите спать. А собственно где, Ириша, наши дети?

И р и н а (*оглядывается по сторонам, детей нигде не видно*). Дети! (*Бежит в детскую комнату*.) Петя! Маша!

В детской комнате никого нет.

Ирина бежит в комнату Мама.

В комнате Мама у окна стоят Маша с Петей.

Они что-то рассматривают внимательно в окно.

И р и н а. Вы-то почему молчите, когда вас зовут? Петя, я вас спрашиваю.

П е т я. Мы просто.

М а ш а. Пап, а звёзды умеют не падать, а взлетать?

И р и н а. Что за глупость. Конечно, нет.

Г е н н а д и й. А что, почему ты спрашиваешь? Что там? (*Подходит к окну.*) Что вы там высматриваете?

М а ш а. Да просто так, вдруг, подумала.

Г е н н а д и й. Ничего там нет. Темень сплошная.

И р и н а. Отойдите от окна. Продует.

Г е н н а д и й. Вот и не говорите глупостей.

И р и н а. Значит так. План такой. Дети, мы поехали с отцом в аэропорт возвращать вашу сумасшедшую бабушку, а вы сейчас же ложитесь спать.

М а ш а. Я не хочу.

И р и н а. Я прошу. Хватит моих нервов. Пожалейте хотя бы вы нас. Хорошо?

П е т я. И мы сразу ляжем спать.

Г е н н а д и й. Пётр отвечает совсем как настоящий мужчина, Ириша, ты заметила?

И р и н а. Не дорос ещё он до мужчины. Дети, почему ноги голые?

Г е н н а д и й. Ну мы пошли.

П е т я. Идите.

М а ш а. Мама, правда, бросила нас?

И р и н а. Оденьте тёплые носки. Дети, дверь никому не открывать, вы слышите?

М а ш а и П е т я. Спокойной ночи.

Ирина с Геннадием целуют детей и выходят из комнаты.

М а ш а. Петя, как думаешь, Мама вернётся?

П е т я. Подождём?

М а ш а. Мама просто пошутила.

П е т я. Я тоже так думаю.

М а ш а. Надо немножко подождать.

П е т я. Помнишь, как Мама всегда нам перед сном говорила?

М а ш а. Учись всегда видеть, как звёзды не падают?

Маша с Петей, улыбаясь, смотрят в окно на взлетающие звёзды.

3

В аэропорту самолёты похожи на аистов. Стоят Маша и Петя. Стоит Ира, её нежно обнимает Гена. Они смеются, машут руками, кричат:

- Эгей! До скорого! Любим тебя! Счастливо!..

Стоит Мама в красивом платье. За её спиной ослепительно улыбаются Американец и Американка. В руках у Мама цветы.

А м е р и к а н е ц. My dear, it's time for boarding. This is to announce our plane.

А м е р и к а н к а. Say goodbye, sweetheart. We have, however, is time.

М а м а. Я догоню. I will come. I have to say. Надо попрощаться. Джон, Мэри, друзья мои, я прощаюсь со своей семьёй, вы не против?

А м е р и к а н к а. Ok. No problem, sweetheart. And passport with you?

М а м а (*показывает в руках заграничный паспорт*). Don't worry. Конечно. I shan't be long.

А м е р и к а н к а и А м е р и к а н е ц (*машут всем, даже зрителям, и идут к регистрации*).

See you! Good bye! Will travel, go! Looking forward to your visit!

А м е р и к а н е ц. My darling, not mach on!

А м е р и к а н к а. The plan soon!

Мама подходит к провожающим.

И р и н а. Ну, Мамочка, как говориться, всего тебе! С богом!

М а ш а. А в каком городе ты жить будешь?

М а м а. В Нью-Йорке.

П е т я. Ты что крутая теперь типа?

М а м а. Типа да.

И р и н а. Ну, вот, видите, а вы говорили, что Мама не полетит в Америку.

П е т я. Неправда, мы всегда говорили, что она полетит. Это дядя Гена не верил, что её пустят.

М а ш а. Он верил.

Г е н н а д и й. Я говорил. Это Маша хотела, чтобы её пустили вместо Мамы.

М а ш а. Неправда!

И р и н а. Семья! Не ссорьтесь. Ну, Мамочка, ты к нам будешь прилетать, надеюсь? Не забывай нас тут. Всё-таки, твоя родина.

М а м а. Мои добрые американские друзья Смиты сказали, я могу прилетать в гости к вам хоть каждый год. Но только, если это не будет мешать образованию. Сами понимаете, мне нужно перезакончить старшие классы.

П е т я. Зачем?

М а м а. Чтобы поступить в Нью-Йоркский университет в Америке.

П е т я. Разве тебя пустят? Ты не слишком старая учиться в университете?

М а м а. А что ты имеешь против, мой дорогой внук?

М а ш а. В Европе давно люди на пенсии только так и живут. Я читала.

П е т я. Что самая умная?

М а ш а. Самая.

И р и н а. Так, всё мы скоро уходим. Иначе это безобразие никогда не закончиться. Сводим, Гена, этих гавриков, наконец, куда-нибудь. Они передерутся тут. Пошлите куда-нибудь сходим.

Г е н а. Всей семьёй.

П е т я. В кино?

М а ш а. В театр?

П е т я. На бокс, может?

И р и н а. Размечтались. С вами пустят только в цирк. (*Машет билетами.*) Пожертвование спонсора. Скажите нашему папе спасибо. Сидим в середине.

М а ш а. Ух, ты! Сто лет не была в цирке!

П е т я (*заглядывает в билеты*). Это середина?

И р и н а. Я сказала, почти середина.

Гена, Маша и Петя целуют Маму, дарят ещё цветы.

М а м а. Главное, чтобы вы были счастливы. Ирина, ты простишь меня?

И р и н а. Сперва было грустно, теперь – да, я понимаю.

М а м а. Ну вот, как быстро время летит. Вы все выросли.

И р и н а. Что было, то было.

М а м а. Американцы тоже хорошие люди.

Г е н н а д и й. Можно и нам?

Гена обнимает Маму. Дети обнимают Маму.

Г е н н а д и й. Мы всегда вам, Мама, рады, если что, вот.

М а м а. Да, да, конечно, мои милые, я знаю.

Дети с Генной уходят. Маша и Ира долго молчат.

М а м а. Смотри.

Мама достаёт из уха Иры маленький листок.

Потом превращает его в большой альбомный лист.

М а м а. Только, запомните, это секрет. (*Протягивает лист Ире.*) Дунь-ка теперь. Помнишь как?

Ирина старательно дует на листок в самый центр.

М а м а. И загадай цветок.

Ирина кивает.

Мама быстро делает из бумаги цветок, крутит его в руках.

М а м а. Поговори со мной?

Ирина берёт бумажный цветок, нюхает.

М а м а. Угадала?

И р и н а (*вытирает слёзы*). Мы ещё встретимся?

М а м а. Мы обязательно встретимся. Вот увидишь.

И р и н а. Мягкой там посадки.

М а м а. Ну, что же ты, доченька, нос повесила. Be more careful in future. Вперёд, вперёд, к новой жизни.

Ирина целуют Маму в щеку, и подталкивает её к регистрации.

*И только когда Мама скрылась из поля зрения, Ирина, будто что-то понимает, говорит
«Прощай».*

4

Ира с Геной выходят из квартиры. Видят Маму, которая спит, приложив голову к стене.

*Ирина быстро возвращается в квартиру, и спустя несколько долгих мгновений опять
возвращается, что-то бережно держит в ладошках. Ирина садится рядом на ступеньку.*

*Мама сразу просыпается. И Ирина долго и аккуратно делит виноградинки, наконец,
протягивает Маме ровно половину....*

Конец

июнь 2015 год
город Екатеринбург